

РОДРИК БРЕЙТВЕЙТ  
ДЖЕК МЭТЛОК  
СТРОУБ ТЭЛБОТТ



# ГОРБИ

**КРАХ СОВЕТСКОЙ  
ИМПЕРИИ**

**Джек Мэтлок  
Родрик Брейтвейт  
Строуб Тэлботт**

**Горби. Крах советской империи**  
**Серия «Документальный триллер»**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=65266077](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65266077)*

*Горби. Крах советской империи:*

*ISBN 978-5-00180-105-4*

**Аннотация**

Двое из авторов этой книги работали в Советском Союзе в период горбачевской «перестройки»: Родрик Брейтвейт был послом Великобритании в СССР, Джек Мэтлок – послом США. Они хорошо знали Михаила Горбачева, много раз встречались с ним, а кроме того, знали его соратников и врагов.

Третий из авторов, Строуб Тэлботт, был советником и заместителем Государственного секретаря США, имел влияние на внешнюю политику Соединенных Штатов, в том числе в отношении СССР.

В своих воспоминаниях они пишут о том, как Горбачев проводил «перестройку», о его переговорах и секретных договоренностях с Р. Рейганом и Дж. Бушем, с М. Тэтчер. Помимо этого, подробно рассказывается о таких видных фигурах эпохи перестройки, как Б. Ельцин, А. Яковлев, Э. Шеварднадзе,

Ю. Афанасьев; о В. Крючкове, Д. Язове, Е. Лигачеве; о ГКЧП и его провале; о «демократической революции» и развале СССР.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

# Содержание

Вместо предисловия	6
С. Тэлботт	12
Приход Горбачева к власти	12
Переговоры Киссинджера в Москве	18
Реформы в Восточной Европе	30
Ельцин в Вашингтоне	34
Визит Шеварднадзе в США	38
Берлинская стена рушится...	48
Переговоры Буша и Горбачева на Мальте	54
Литва объявляет о независимости	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

**Родрик Брейтвейт, Джек  
Мэтлок, Строуб Тэлботт  
Горби. Крах  
советской империи**

© Перевод с английского Т. Кудрявцевой, Н. Изосимовой,  
В. Исакович, В. Мисюченко, М. Немцова, 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

# Вместо предисловия

*ИЗ ДОКЛАДА МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР О РАЗВАЛЕ СССР  
(США, Хьюстон, ноябрь 1991 г.)*

*В ноябре 1991 года состоялась поездка советских специалистов по нефтепереработке и нефтехимии в США, в Хьюстон (Техас). Центральным было участие в заседании Американского Нефтяного Института (АПИ). На заседание АПИ была приглашена в качестве почетного гостя Маргарет Тэтчер, – химик по образованию, – которая к ноябрю 1991 года уже была экс-премьером Англии.*

*М. Тэтчер произнесла политическую речь, которую можно было бы озаглавить «Как мы разрушали Советский Союз». До официальной ликвидации Советского Союза в результате Беловежского соглашения оставалось меньше месяца...*

*«Советский Союз – это страна, представлявшая серьезную угрозу для западного мира. Я говорю не о военной угрозе. Ее, в сущности, не было. Наши страны достаточно хорошо вооружены, в том числе ядерным оружием.*

*Я имею в виду угрозу экономическую. Благодаря плановой политике и своеобразному сочетанию моральных и материальных стимулов Советскому Союзу удалось достигнуть высоких экономических показателей. Процент прироста валового национального продукта у него был примерно*

в два раза выше, чем в наших странах. Если при этом учесть огромные природные ресурсы СССР, то при рациональном ведении хозяйства у Советского Союза были вполне реальные возможности вытеснить нас с мировых рынков.

Поэтому мы всегда предпринимали действия, направленные на ослабление экономики Советского Союза и создание у него внутренних трудностей.

Основным было навязывание гонки вооружений. Мы знали, что советское правительство придерживалось доктрины равенства вооружений СССР и его оппонентов по НАТО. В результате этого СССР тратил на вооружение около 15 % бюджета, в то время как наши страны – около 5 %. Безусловно, это негативно сказывалось на экономике Советского Союза. Советскому Союзу приходилось экономить на вложениях в сферу производства так называемых товаров народного потребления.

Мы рассчитывали вызвать в СССР массовое недовольство населения. Одним из наших приемов была якобы «утечка» информации о количестве вооружения у нас гораздо больше, чем в действительности, с целью вызвать дополнительные вложения СССР в эту экономически невыгодную сферу.

Важное место в нашей политике занимал учет несовершенства конституции СССР. Формально она допускала немедленный выход из СССР любой пожелавшей этого союзной республики (причем, практически путем решения простым большинством ее Верховного Совета). Правда, реали-

зация этого права была в то время практически невозможна из-за цементирующей роли компартии и силовых структур. И все-таки в этой конституционной особенности были потенциальные возможности для нашей политики.

К сожалению, несмотря на наши усилия, политическая обстановка в СССР долгое время оставалась весьма стабильной. Серьезное место в формировании нашей политики (в основном, политики США) занимал вопрос о создании системы противоракетной защиты (СОИ). Должна признаться, что большинство экспертов было против создания СОИ, т. к. считали, что эта система будет чрезвычайно дорогой и недостаточно надежной, а именно щит СОИ может быть пробит при дополнительном вложении Советским Союзом гораздо меньших (в 5 – 10 раз) средств в «наступательные» вооружения.

Тем не менее, решение о развитии СОИ было принято в надежде, что СССР займется созданием аналогичной дорогостоящей системы. К нашему большому сожалению, советское правительство такого решения не приняло, а ограничилось политическими декларациями протеста.

Сложилась весьма трудная для нас ситуация. Однако вскоре поступила информация о ближайшей смерти советского лидера и возможности прихода к власти с нашей помощью человека, благодаря которому мы сможем реализовать наши намерения. Это была оценка моих экспертов (а я всегда формировала очень квалифицированную группу экспер-



тов по Советскому Союзу и по мере необходимости способствовала дополнительной эмиграции из СССР нужных специалистов).

Этим человеком был М. Горбачев, который характеризовался экспертами, как человек неосторожный, внушаемый и весьма честолюбивый.

Определенные усилия были направлены на создание «Народного фронта»; они не потребовали больших средств: в основном это были расходы на множительную технику и финансовую поддержку функционеров...

Большие споры среди экспертов вызвал вопрос о выдвижении Б. Ельцина в качестве лидера «Народного фронта» с перспективой последующего избрания его в Верховный Совет Российской республики и далее руководителем Российской республики (в противовес лидеру СССР М. Горбачеву). Большинство экспертов были против кандидатуры Б. Ельцина, учитывая его прошлое и особенности личности.

Однако состоялись соответствующие контакты и договоренности, и решение о «проталкивании» Б. Ельцина было принято. С большим трудом Ельцин был избран Председателем Верховного Совета России, и сразу же была принята декларация о суверенитете России. Вопрос от кого, если Советский Союз был в свое время сформирован вокруг России? Это было действительно началом распада СССР.

Б. Ельцину была оказана существенная помощь и во время недавних событий августа 1991 года, когда руководящая

верхушка СССР, блокировав Горбачева, попыталась восстановить систему, обеспечивающую целостность СССР. Сторонники Ельцина удержались, причем он обрел значительную (хотя и не полную) реальную власть над силовыми структурами.

Все союзные республики, воспользовавшись ситуацией, объявили о своем суверенитете (правда, многие сделали это в своеобразной форме, не исключавшей их членства в Союзе).

Таким образом, сейчас де-факто произошел распад Советского Союза, однако де-юре Советский Союз существует. Я уверяю вас, что в течение ближайшего месяца вы услышите о юридическом оформлении распада Советского Союза...»

*По материалам С.Ю. Павлова*

***ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ БИЛЛА КЛИНТОНА НА ЗАКРЫТОМ СОВЕЩАНИИ ОБЪЕДИНЕННОГО КОМИТЕТА  
НАЧАЛЬНИКОВ ШТАБОВ***

*(25 октября 1995 г.)*

...Последние 10 лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто занял откровенно проамериканскую

риканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы.

Правда, с одним существенным отличием – мы получили сырьевой придаток, не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать.

Да, мы затратили на это многие миллиарды долларов, но они уже сейчас близки к тому, что у русских называется самоокупаемостью. За четыре года мы и наши союзники получили различного стратегического сырья на 15 млрд. долларов, сотни тонн золота, драгоценных камней и т. д.

Под несуществующие проекты нам переданы за ничтожно малые суммы свыше 20 тыс. тонн меди, почти 50 тыс. тонн алюминия, 2 тыс. тонн цезия, бериллия, стронция и т. д.

В годы так называемой перестройки в СССР многие наши военные и бизнесмены не верили в успех предстоящих операций. И напрасно. Расшатав идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке...

*Из архива В.И. Илюхина*

*С. Тэлботт*

**США и «перестройка». Взгляд из  
государственного департамента**

*(из книги С. Тэлботта, М.  
Беишлосса «На самом высоком  
уровне. Закулисная история  
окончания «холодной войны»)*

*Приход Горбачева к власти*

...Когда в марте 1985 года умер Константин Черненко, по пути в Москву вице-президент Буш узнал, что новым руководителем будет Горбачев. Роберт Блэкуэлл, встретивший вице-президента в Москве, напомнил, что ЦРУ многие месяцы предсказывало приход Горбачева к власти: Горбачев ведь уже был вторым человеком в советской коммунистической партии; начальником его был Андропов.

Американцы, сопровождавшие Буша, шутили, что они теперь уже досконально знают церемонию похорон: сначала надо пройти перед гробом, затем будет военный парад на Красной площади, затем прием в Георгиевском зале и, на-

конец, ужин со спагетти в Спасо-хаус, приготовленный превосходным итальянским поваром.

Вице-президент и Блэкуэлл были потрясены тем, что москвичи, казалось, с радостью избавлялись от своих «немогущих старцев». Они видели, как всего через полчаса после похоронной процессии рабочие срывали портреты Черненко и бросали их. Буш заметил, что их хозяева, похоже, едва могли дождаться захоронения старика, чтобы скорее вручить судьбу своей страны новому, пятидесятичеловеклетнему лидеру.

Горбачев принял Буша и госсекретаря Шульца в Екатерининском зале. В своем сорокапятиминутном монологе он сказал, что Советский Союз не заинтересован в конфронтации с Соединенными Штатами. Он выразил надежду, что Вашингтон будет вести с Советским Союзом серьезные переговоры в Женеве по поводу ядерных вооружений. После этой встречи Блэкуэлл предсказал Бушу, что Горбачев будет действовать быстро. На это указывала, в частности, его самоуверенность, а кроме того, военные стали реже, чем прежде, появляться на советском телевидении. Вице-президент согласился, что они имеют тут дело с «чем-то другим». В противоположность Брежневу, Андропову и Черненко Горбачев — «очень обходителен»...

В октябре 1986 года Рейган встретился с Горбачевым в Рейкьявике, где советский лидер, к всеобщему удивлению, внес предложение о существенном сокращении атомных ар-

сеналов обеими странами. В декабре 1987 года Горбачев прибыл с визитом в Вашингтон, где они с Рейганом подписали договор о ликвидации ядерных ракет среднего радиуса действия. В один из трех дней, в течение которых проходила встреча в верхах, Буш прибыл в советское посольство на Шестнадцатой улице – на завтрак с блинами и икрой. На завтрак Буша сопровождали его сторонники по предстоящей кампании по выборам президента, в том числе Джон Сунуну, боевой, крайне антисоветски настроенный губернатор Нью-Гемпшира, регулярно отмечавший День венгерских борцов за свободу и День освобождения Литвы – в 1987 году отмечать это еще было чудаковатым донкихотством. Стремясь избежать полемики, Сунуну восхвалял перед Горбачевым научные достижения американцев и русских.

После встречи Горбачев предложил Бушу подвезти его в Белый дом на своем лимузине.

«Располагайтесь в моем танке!» – сказал он, когда они сели. Тогда вице-президент сказал: «Как жаль, что вы не можете остановиться и зайти в один из магазинов, – я думаю, американский народ тепло встретил бы вас».

Они только проехали мимо толпы на углу Коннектикут-авеню, как Горбачев сказал шоферу: «Останови машину». Он вышел из лимузина и воскликнул по-русски: «Я хочу поприветствовать вас!» В толпе многие от изумления раскрыли рот, а Горбачев стал пожимать людям руки. Тут и Буш вышел из машины, чтобы сняться с ним, но камеры – да и

толпа – были нацелены только на Горбачева.

Они поехали дальше, к Белому дому, и Буш, явно находясь под впечатлением от общения гостя с народом, спросил: «Вы часто этим занимаетесь?» Горбачев ответил: «Я поступаю так в Москве и поступаю так всякий раз, как выезжаю на периферию... Руководители не должны отрываться от народа».

Во время посещения Рейганом Москвы в июне 1988 года произошел знаменитый случай, когда Горбачев на Красной площади взял на руки маленького мальчика и велел ему «поздороваться за руку с дедушкой Рейганом». Один из журналистов спросил потом Рейгана, считает ли он Советский Союз по-прежнему «империей зла». Президент ответил: «Нет, я имел в виду другое время, другую эпоху».

\* \* \*

В декабре 1988 года, после выборов, Рейган в последний раз встретился с Горбачевым в качестве президента за завтраком на станции береговой охраны США на Губернаторском острове, в гавани Нью-Йорка. Буш согласился присутствовать, но на вторых ролях.

Утром Горбачев выступил в ООН со своей важнейшей речью. Он заявил, что «применение силы или угроза ее применения» не может больше быть «инструментом внешней политики». Он объявил о своем намерении сделать военную

доктрину СССР чисто оборонительной и убрать из Восточной Европы полмиллиона советских солдат, а также большое количество танков, артиллерии и военных самолетов.

Перед завтраком репортеры попросили Рейгана высказаться по поводу инициативы Горбачева, и Рейган сказал: «От души одобряю». Буш продолжал держаться той же линии, что и предшествующие восемь лет, только на сей раз с оттенком высокомерной иронии. «Я поддерживаю то, что сказал президент», – заявил он. А Горбачев, стремясь добиться расположения только что избранного президента, с широкой улыбкой заметил: «Это один из лучших ответов, какие я слышал в этом году!»

В ответ на замечание Рейгана, что, по данным последнего опроса, 85 процентов американцев поддерживают новый характер отношений, установившихся с Москвой, Горбачев вновь обратился к Бушу и сказал: «Мне приятно это слышать.

Игру эту следует назвать «Продолжение следует». В ходе беседы вице-президент вдруг не выдержал: «Какие вы можете дать мне заверения, что перестройка и гласность будут успешны, чтобы я мог сообщить об этом американским бизнесменам, желающим вложить средства в Советском Союзе?»

Горбачев гневно посмотрел на него и отрезал: «Вы достаточно скоро убедитесь, что я ничего не делаю напоказ, и если что-то делаю, то не с целью подорвать ваши позиции, по-



разить вас или использовать.

Я занимаюсь реальной политикой. Я так поступаю, потому что это необходимо. Я так поступаю, потому что в моей стране происходит революция. И я ее начал. И все аплодировали мне, когда я ее начал в 1986 году, а теперь не всем это так уж нравится. Тем не менее революция произойдет...».

## *Переговоры Киссинджера в Москве*

В воскресенье, 18 декабря 1988 года, Генри Киссинджер вошел в Малый кабинет вице-президента в Западном крыле для спокойного разговора с избранным президентом Бушем, Бейкером и Скоукрофтом. Киссинджер сказал Бушу, что он может стать «первым президентом, обладающим реальной возможностью положить конец «холодной войне».

– Почему бы нам исподволь не начать переговоры о сделке? – предложил Киссинджер. – Пусть Горбачев пообещает не использовать силу для подавления реформ и либерализации в Восточной Европе, а Запад в обмен пообещает не использовать экономические и политические перемены, которые там произойдут, в ущерб интересам безопасности Советского Союза.

Например, – сказал Киссинджер, – Запад может взять на себя обязательство не использовать Восточную Европу в качестве базы для ведения тайных разведывательных операций против Советского Союза. Он может заявить, что отказывается от дальнейших попыток выманить восточноевропейские страны из Варшавского пакта. А Горбачев, не имея возможности применить военную силу, вероятнее всего даст Восточной Европе возможность глотнуть политической свободы, что ей необходимо для воссоединения с Западом.

Предложение было классически киссинджеровское: с по-

мощью тайной дипломатии на высоком уровне достичь договоренности, основанной на равновесии сил. Киссинджер дал понять, что не возражает отправиться с такой миссией к Горбачеву – это позволило бы ему вновь очутиться в центре американо-советских отношений, особенно при том, что Скоукрофт, его давний друг и протеже при администрации Никсона и Форда, сидит в Совете национальной безопасности, а в Госдепартаменте внешней политикой занимается неофит Бейкер.

Буша заинтересовала идея Киссинджера, и он поручил ему отвезти в Москву письмо Горбачеву за своей подписью. Бывший госсекретарь был в восторге. В январе, за неделю до вступления президента в должность, Киссинджер вылетел в советскую столицу.

\* \* \*

В среду, 18 января, Горбачев пригласил Киссинджера в свой парадный кабинет в Кремле. С советской стороны присутствовали лишь переводчик и Анатолий Добрынин, бывший в течение двадцати трех лет послом в США и тесно сотрудничавший с Киссинджером, когда оба находились на командных постах в Вашингтоне. Теперь Добрынин был советником Горбачева.

Киссинджер вручил Горбачеву письмо от Буша, в котором тот заверял Горбачева, что прогресс в советско-американ-

ских отношениях, начатый при Рейгане, будет продолжаться... но не сразу. Избранный президент писал, что он надеется, Горбачев поймет: новой администрации необходимо какое-то время, чтобы разобраться в советско-американских отношениях, все взвесить и рассмотреть варианты направления политики.

Киссинджер изложил свое предложение достичь договоренности по Восточной Европе. Заинтересована ли советская сторона в таком соглашении? Горбачев пригнулся к столу и, приподняв бровь, слегка усмехнулся. «Я просматриваю за этим вопросом другой вопрос», – сказал он. Он-де подозревал, что Буш через Киссинджера пытается заставить его открыть, в какой мере он намерен отказаться от советского контроля в Восточной Европе.

Киссинджер ответил, что у него «нет никакой тайной повестки дня», это его собственная идея, правда, она заинтересовала избранного президента, и он разрешил Киссинджеру попытаться выяснить реакцию Горбачева. Получив такое заверение, Горбачев сказал, что эту идею, пожалуй, стоит рассмотреть и, если потребуется обратная связь, Киссинджеру следует иметь дело с его старым другом Добрыниным. Киссинджер преисполнился надежды, что его план может сработать.

После ухода Киссинджера Горбачев перечитал письмо Буша. Пришел Анатолий Черняев, главный помощник Горбачева по иностранным делам, старый партийный аппаратчик,

работавший главным образом в международном отделе ЦК; Горбачев знал его с пятидесятых годов. Черняев был из тех чиновников, кто не высовывается. Он никогда не отличался выступлениями в защиту реформ, хотя люди, знавшие его еще во времена Хрущева, помнят, что он высказывал в частных беседах довольно либеральные взгляды и дружил с некоторыми политическими диссидентами.

Черняев сказал, что в письме Буша есть «определенное противоречие»: Буш обещает следовать курсу Рейгана, однако намекает, что может внести изменения в американскую политику. Тем не менее Горбачев был весьма доволен тем, что Буш, не теряя времени, связался с ним: какой еще только что избранный американский президент писал советскому лидеру прежде, чем в его распоряжении появилась бумага со штампом Белого дома? И Горбачев написал ответ Бушу, предлагая работать вместе ради «мира во всем мире».

\* \* \*

В конце января 1989 года Буш, беседуя со Скоукрофтом в Овальном кабинете, сказал, что ему хотелось бы получить ответ на вопрос о том, «каким должен быть мир в будущем столетии и что мы должны сделать, чтобы этого достичь. Я хочу совершить что-то важное, но продвигаться я хочу осторожно. Я не хочу делать глупости». Он выразил желание «посидеть с нашими лучшими экспертами по Советскому Союзу

и послушать, что они думают, – выяснить их мнение о Горбачеве».

Скоукрофт поручил устроить такой семинар своему тридцатичетырехлетнему эксперту по Советскому Союзу Кондолизе Райс, профессору-политологу из Стэнфорда. Она родилась в Бирмингеме, штат Алабама, известном своей сегрегацией, и училась вместе с одной из четырех девочек, погибших при взрыве бомбы в церкви для черных в 1963 году. Ребенком Кондолиза ездила со своими родителями в Вашингтон и помнит, как их не пускали во многие мотели и рестораны по пути. В Вашингтоне отец сфотографировал ее на фоне Белого дома. И она сказала: «Когда-нибудь я там буду».

Вначале Райс хотела стать концертирующей пианисткой, но потом поступила в университет Денвера, переключилась на политические науки и получила докторскую степень, написав диссертацию о вооруженных силах Чехословакии; затем стала специализироваться по секретной деятельности Генерального штаба Советского Союза. Выступая с лекциями в Советском Союзе, она поражала слушателей своей осведомленностью: эта черная американка рассказывала русским об их собственном военном командовании то, чего они не знали сами, – причем на превосходном русском языке.

Итак, Райс составила список ученых – экспертов по советским делам и наметила семинар на март. В пятницу, 10 февраля, Буш прилетел в Кеннебанкпорт, штат Мэн, из Оттавы после своего первого визита за границу в качестве пре-

зидента и, решив не откладывать семинар надолго, попросил Скоукрофта назначить его на конец недели.

В воскресенье, 12 февраля, Буш в бейсбольном кепи, свитере, поношенных бумажных брюках и туфлях для бега провел шестерых специалистов по Советскому Союзу в свою спальню – одну из немногих комнат в доме, которая отапливалась зимой. Помимо Райс, здесь были Адам Улам из Гарварда, Маршалл Голдмен из Уэлсли и Центра русских исследований Гарварда, Стивен Мейер из Массачусетского технологического института, Роберт Пфальцграфф из университета Тафта и Эд Хьюэтт, работавший тогда в институте Брукингса. Поскольку большинство ученых преподавали в университетах, расположенных в Кембридже, штат Массачусетс, и вокруг него, им нетрудно было быстро приехать в Мэн.

Эксперты согласились, что Горбачев взялся за проведение коренных реформ; он начал процесс более значительный, чем он сам, – такой процесс, который сторонникам жесткой линии трудно будет повернуть вспять. Критикуя культ личности Сталина, он создал свой собственный «культ власти», сделав себя олицетворением перестройки, и теперь, пользуясь той силой, какую дает ему этот культ, он урезает власть партии и московского аппарата. Райс сказала: «Любому, кто придет на смену Горбачеву, трудно будет спрятать джинна назад в бутылку».

«Никогда не говорите «никогда»!» – с легкой усмешкой

посоветовал Скоукрофт. Ученые согласились с тем, что перестройка может дать рикошет – государственный переворот, осуществленный против Горбачева сторонниками жесткой линии в партии, армии и КГБ. Вполне может оказаться, что советская система не поддастся реформации.

Райс сказала, что экономические эксперименты и прочие формы независимости, которые Горбачев поощряет в Восточной Европе, могут подогреть антикоммунистические и антисоветские настроения до такой степени, что страны-сателлиты выйдут из-под его контроля.

Буш спросил, могут ли Советы в какой-то момент использовать войска для утверждения своего контроля в Восточной Европе. Несколько экспертов ответили, что в плане политическом Горбачеву придется тогда заплатить «астрономическую» цену. Голдмен сказал, что, даже если не произойдет полного раскола, но перемены в Восточной Европе произойдут слишком быстро, это может «отозваться» в Советском Союзе. Советские республики могут потребовать либерализации и автономии.

А могут ли Соединенные Штаты использовать свои рычаги, чтобы добиться уступок по правам человека, спросил президент? Голдмен и Хьюэтт предупредили против каких-либо явных попыток эксплуатировать слабость Советского Союза: это может явиться подарком сторонникам жесткой линии в СССР.

Они привели в качестве примера поправку Джексона –



Вэника. Эта мера, принятая конгрессом в середине семидесятых годов и все еще действующая, ставит предоставление СССР в экономике режима «наибольшего благоприятствования» в зависимость от ослабления Кремлем ограничений на эмиграцию советских евреев. Разъярившись на этот «шантаж» со стороны США, Леонид Брежнев в ответ резко сократил выезд евреев.

Хьюэтт заявил, что, поскольку советские евреи снова выезжают сейчас в больших количествах, Соединенные Штаты должны вознаградить Советский Союз за это движение в направлении реформ, прекратив действие поправки Джексона – Вэника. И добавил: «Мы не должны привязывать нашу политику к Горбачеву-человеку. Это может разжечь надежды общественности на Западе, и, если у Горбачева произойдет остановка сердца, США окажутся в сложном положении». Скоукрофт согласился с этим.

\* \* \*

Между тем, в отношениях между Советами и Соединенными Штатами видную роль играл еще один человек. В начале шестидесятых годов премьер-министр Гарольд Макмиллан пытался – но тщетно – сделать Великобританию посредником между СССР и США. По иронии судьбы преуспела в этом энергичная Тэтчер. Она была откровенна с Рейганом, Шульцем и другими американцами в своих рекомендациях,

как вести себя с Советами. В феврале 1989 года она сказала Бейкеру: «Не тяните. Не давайте посевам оставаться под паром».

Бейкер покачал головой и сказал: «Слишком высоки ставки, слишком сложны проблемы, чтобы мы вышли неподготовленными. К тому же у нас есть время. Если то, что происходит в Советском Союзе, так важно, как вы полагаете, этот процесс не кончится в следующий вторник». Он утверждал, что реформы, проводимые Горбачевым, с каждым днем приближаются к черте, после которой нет возврата. Положительная реакция на действия Горбачева вовсе не требует того, чтобы пройти полпути ему навстречу: «Он идет в нашу сторону. Вот и пусть идет».

Тэтчер была первой из западных руководителей, публично заявивших, что Горбачев – советский лидер совсем другого типа. Осенью 1984 года, когда стало ясно, что Черненко уже не жилец на этом свете, она пригласила в Лондон двух человек, которые рассматривались в качестве главных претендентов на освобождающееся место: Михаила Горбачева и Григория Романова. Горбачев принял приглашение, и британцы сочли это признаком того, что скорее всего именно он получит этот пост.

Во время первого разговора с Горбачевым в декабре 1984 года в Чекере, официальной загородной резиденции Тэтчер, она прочла предполагаемому будущему советскому лидеру лекцию о том, как, с точки зрения тори, следует править в

современном обществе: «Господин Горбачев, вы должны децентрализовать власть. Не позволяйте экономическим министрам править всем!»

Горбачев внимательно ее слушал, отмахиваясь от помощников, напоминавших о том, что он опаздывает на следующую встречу. После беседы с Горбачевым премьер-министр, выступая по телевидению, произнесла всего девять слов, тщательно подобранных ее помощником по иностранным делам Чарлзом Пауэллом: «Мне нравится господин Горбачев. С ним можно делать дела». Такая оценка из уст «железной леди капитализма», как ее называли в советской прессе, успокоила западных лидеров, которых волновала смена руководства в СССР.

После того как Горбачев пришел к власти, его отношения с Тэтчер подогревались не только ее готовностью ручаться за него перед всем светом, но и той откровенностью, с какой они беседовали о политике, идеологии, экономике и международных отношениях. Тэтчер говорила Горбачеву о том, «какая страшная вещь» – коммунизм. Советский Союз, утверждала она, повинен во многих бедах XX века...

В конце марта 1989 года во время закрытого обеда в Белом доме Бейкер сказал президенту, что необходимо активнее развивать отношения с Горбачевым. Он охарактеризовал недавние выборы съезда народных депутатов как очередное подтверждение тому, что Горбачев «всерьез посягнул на существующую систему. Каждым новым шагом он доказывает,

что назад пути нет».

\* \* \*

18 августа 1989 года ближайший советник Горбачева Александр Яковлев выступал на пресс-конференции по вопросу о трех Прибалтийских республиках. Яковлев «безоговорочно» осудил пакт, заключенный между Гитлером и Сталиным в 1939 году, приведший к аннексии Латвии, Литвы и Эстонии Советским Союзом.

Через четыре дня после заявления Яковлева парламент Литвы объявил советскую аннексию «противозаконной». Чувствуя послабление со стороны Кремля, Прибалтийские республики решили поднажать и побыстрее добиться возможно большей независимости. Организации, выступающие за отделение, заявляли о «праве» прибалтов не зависеть от Москвы. Миллион людей составил цепь в четыре сотни миль длиной, которая связала три прибалтийские столицы – Таллин, Ригу и Вильнюс. Прибалтика и Кремль вступили на путь конфронтации.

Перед Бушем и Бейкером возникла дилемма – как строить теперь политику США. В течение пятидесяти лет Соединенные Штаты отказывались официально признать государства Балтики частью Советского Союза. Эмигранты-антикоммунисты из трех республик имели миссии в Вашингтоне и Нью-Йорке. Американские официальные лица избегали посещать

Прибалтику, так как для подобных поездок требовалось разрешение Москвы.

Такова была общественная позиция Америки, однако частные мнения были иными. Американские официальные лица от президента и ниже опасались, как бы этот неожиданный всплеск сепаратизма не привел к разгулу насилия, а возможно, даже и к гражданской войне, в результате чего Советский Союз может расколоться на части и ядерное оружие окажется под контролем неизвестно кого.

Буш, Бейкер и Скоукрофт – все надеялись, что руководители Прибалтики не станут слишком уж нажимать на Горбачева, требуя независимости, – по крайней мере сейчас.

## *Реформы в Восточной Европе*

4 июня 1989 года поляки избирали новый парламент. В результате выборов в парламент прошли кандидаты от «Солидарности», в то время как коммунисты потерпели полное поражение. Это было самое отрадное известие, поступившее из Восточной Европы за последние полвека.

Горбачев должен был решить, мог ли генерал Ярузельский рассчитывать на советскую армию, которая поможет сохранить коммунистический режим. Ярузельский понимал – ответ будет отрицательным. Именно по этой причине президент Польши и вступил в переговоры с «Солидарностью» и католической церковью о новой политической системе страны.

Через два дня после выборов Ярузельский предложил «Солидарности» войти в коалицию с коммунистами. Лех Валенса отказался. Вместо этого состоялись другие переговоры, в результате которых были назначены довыборы – на те места в парламенте, что все еще продолжали пустовать. Мало кто сомневался, что «Солидарность» и на этот раз одержит решительную победу, которая приведет ее к власти. Приверженцы тоталитарного режима уже не просто шли на компромисс со своими демократическими оппонентами, они капитулировали.

В пятницу, 7 июля, Горбачев выступил с речью перед

главами государств – членов Варшавского договора в Бухаресте, где иносказательно одобрил реформы в Польше и Венгрии. Он призывал «братские» страны проявить «терпимость» и «самостоятельно решать национальные проблемы».

Хозяин встречи, Николае Чаушеску, открыто жаловался на «отсутствие единства» между союзниками. Второй сторонник жесткой линии, все еще остававшийся у власти семидесятилетний Эрих Хонеккер из Восточной Германии, потерял сознание и вынужден был вернуться домой. Врачи предполагали, что приступ был вызван болезнью почек или желчного пузыря, но поляки и венгры шутили – мол, Хонеккер упал в обморок от слов Горбачева.

В Польше в результате дополнительных выборов «Солидарность» получила девяносто девять из ста мест в верхней палате и все места – 161, – предназначенные для антикоммунистической оппозиции в нижней палате. К всеобщему удивлению, Ярузельский заявил, что не будет выставлять свою кандидатуру на национальных президентских выборах, назначенных на более поздний срок в том же году.

\* \* \*

В воскресенье, 11 июля, Буш отправился в Европу. Во время перелета в Париж, президент, Скоукрофт и Фицуотер прошли в хвост самолета, где сидели журналисты. Буш сказал, что темп реформ в Восточной Европе его «совершенно

поразил». Он подчеркнул, что это стало возможно благодаря «руководству Советского Союза и руководителям самих этих стран».

Вернувшись, он сказал помощникам:

– Если бы не Горбачев, ничего того, что мы видели в Польше и Венгрии, не произошло бы.

В свойственной ему манере давать определения важным событиям на своем полужаргоне он заключил:

– Игра там идет по-крупному, ставки будь здоров какие...

Город Света праздновал двухсотую годовщину Французской революции. Некоторое время тому назад Франсуа Миттеран предложил главам семи крупнейших индустриальных демократических стран – так называемой «семерке» – назначать ежегодное экономическое совещание на время национального празднества.

В перерыве между заседаниями Буш вернулся в резиденцию посла США на Вандомской площади и, облачившись в спортивную майку и шорты, отправился бегать трусцой по живописнейшему парку. Затем присоединился к Бейкеру и Скоукрофту, сидевшим на веранде.

Опустив преамбулу, госсекретарь сказал своему другу – вот уже на протяжении тридцати двух лет, – что ему пора предложить Горбачеву встретиться один на один. Бейкер больше не сомневался, что Горбачев и Шеварднадзе – «вполне реальные фигуры».

Буш согласился с тем, что пришло время «заняться с Гор-



бачевым».

– Не вижу никакого смысла увиливать. – И отметив, с какой скоростью в Восточной Европе происходят перемены, он заключил: – Не думаю, что следует дожидаться следующей встречи в верхах для разговора с русскими обо всем этом. То, что происходит, потрясаяще, и, возможно, неформальная встреча с Горбачевым будет весьма кстати... Я хочу посмотреть на него вблизи, почувствовать его, убедиться, что он меня адекватно воспринимает.

Скоукрофт предостерег президента, что отождествлять личность Горбачева с политикой перестройки опасно. Буш с раздражением бросил:

– Слушай, этот парень и есть перестройка!

## *Ельцин в Вашингтоне*

Во вторник, 12 сентября 1989 года Борис Ельцин подъехал на своем лимузине к Западному крылу Белого дома с полчасавым опозданием. Группа наиболее активных членов съезда народных депутатов впервые приехала в Соединенные Штаты на восемь дней и должна была выступать в Нью-Йорке, Балтиморе, Вашингтоне, Чикаго, Филадельфии, Миннеаполисе, Индианаполисе, Сан-Франциско и Лос-Анджелесе.

Финансировали эту поездку калифорнийский институт Эсален и советский фонд по изучению и лечению СПИДа. Ельцин получал за свои выступления по 25 000 долларов.

Буш не очень стремился принимать Ельцина. Буш считал Ельцина – при его репутации человека пьющего, несдержанного и неуместно вспыльчивого – чем-то вроде незакрепленной пушки на скользкой, покачивающейся палубе советской политики. Что, если он устроит на этой встрече спектакль, который потом поставит в ложное положение и Буша и Горбачева?

Роберт Гейтс, никак не разделявший то, что он называл «горбоцентризмом» в политике США, попросил президента все-таки встретиться с Ельциным. Фриц Эрмарт, председатель Национального совета по разведке, поддержал это предложение. Эрмарт не считал, что Горбачев долго продержит-

ся в политике; к тому же на него произвело впечатление возвращение Ельцина на политическую арену. Он сказал Кондолизе Райс, что Ельцин, возможно, эксцентричен и самоуверен, но он выказывает большее мужество, – куда большее, чем Горбачев, выступая по тем же позициям, какие должны поддерживать и Соединенные Штаты...

Райс встречала Ельцина у бокового входа, и Ельцин бросил ей: «Когда гости приезжают к президенту, они входят не здесь». Она сказала: «У вас встреча с генералом Скоукрофтом». Ельцин скрестил на груди руки и высокомерно объявил: «Я не сдвинусь с места, пока не получу заверения, что встречу с президентом!» Райс, говорившая по-русски, попыталась убедить Ельцина войти в здание, но он продолжал неподвижно стоять.

Наконец она сказала: «К сожалению, генерал Скоукрофт – человек очень занятой, и если мы не собираемся к нему идти, надо об этом сообщить». Ельцин сдался: «Ну хорошо, пошли», – сказал он.

Райс провела его в кабинет Скоукрофта с большими окнами до полу, выходящими на старое серое здание аппарата президента и северную часть участка, окружающего Белый дом. Буш зашел минут на пятнадцать и постарался подчеркнуть «свои очень позитивные отношения» с Горбачевым: американский народ, сказал он, разделяет надежды советского лидера на «успех реформ в Советском Союзе». Ельцин вел себя безупречно. Впоследствии Буш сказал своим

помощникам, что гость показался ему «славным малым».

Когда Буш ушел, Скоукрофт задал Ельцину один-единственный вопрос: «Каковы цели вашей поездки?» Ответ Ельцина продолжался почти час: он изложил свои мысли о реформе цен, о конвертируемости рубля, о возможности совместного американо-советского полета на Марс. Нехватку жилья в Москве он намерен решить, «пригласив» западных специалистов, чтобы они построили миллион квартир. Он намерен поощрять приток западных капиталов, передав в частную собственность пятнадцать процентов советской экономики.

На середине этого монолога Скоукрофт заснул. А Ельцин, казалось, и не заметил. За десять минут до конца встречи зашел Куэйл. Намекая на не слишком благоприятные для него самого и для Ельцина статьи в американской прессе, Куэйл сказал: «Я читал про вас в печати. А вы читали про меня?». Ельцин лишь рассмеялся в ответ.

Скоукрофт так организовал эту встречу, чтобы у репортеров не было возможности говорить, что Буш имел серьезную беседу с наиболее видным критиком Горбачева. А Ельцин, выйдя из Западного крыла, сообщил собравшимся журналистам, что он представил Бушу и Куэйлу «план из десяти пунктов» для «спасения перестройки». Скоукрофт, сидя в своем кабинете, возмутился: Ельцин — «ловкач» и «гонится за двухгрошовой рекламой в газетах».

Следующей остановкой Ельцина был Госдепартамент. Скоукрофт сообщил Бейкеру о тактике парового катка, примененной Ельциным в Белом доме. Госсекретарь устроил чрезвычайно изощренное представление: он то и дело прерывал Ельцина, оспаривая наивность его представлений об экономике и предлагая собственные решения по части реформы цен и конвертируемости рубля.

После встречи Бейкер, обращаясь к своим помощникам, воскликнул: «Ну и щелкопер! Горбачев на его фоне отлично выглядит, верно? К тому же Горбачеву можно посочувствовать, если ему приходится иметь дело с таким человеком». Росс же заметил, что Ельцин показался ему совсем не таким ужасным, каким представил его Скоукрофт. А Бейкер ответил: «Это правда, но он, безусловно, ничего не понимает в рыночной экономике. По сравнению с ним Горбачев просто эксперт!»

Вслед за президентом и высокопоставленные американцы в частных разговорах не раз противопоставляли простецкие манеры Ельцина и его тягу к выпивке «западному» стилю поведения Горбачева. Кто-то даже пошутил, что самым важным американцем, с которым Ельцин встретился в ходе этой поездки, был, похоже, «Джек Дэниэл».

## ***Визит Шеварднадзе в США***

В четверг, 21 сентября, Шеварднадзе впервые прибыл в Белый дом с тех пор, как Буш стал президентом. В последний раз они виделись ровно за год до того, на завтрак в резиденции вице-президента. В Овальном кабинете президент указал Шеварднадзе на одно из белых кресел у камина, а в другое сел сам. Бейкер, американские и советские помощники сидели на двух белых диванчиках.

После того как телевизионщики и фотографы покинули помещение, Шеварднадзе просил президента не обращать внимания на сообщения о том, что Горбачев сталкивается со сложностями в стране: советский президент твердо держит в руках бразды правления и исполнен решимости продолжать реформы. Буш ответил, намекая на Ельцина, что другой советский гость, который недавно был у него, дал положению дел противоположную оценку. Шеварднадзе улыбнулся одними губами и сказал: «Ну, не всему надо верить, что слышишь».

Министр иностранных дел не отрицал, что проблемы, со всех сторон окружающие Горбачева, с каждой неделей становятся все более грозными. Шеварднадзе сослался на «болезненные» национальные проблемы: «Мы со своей стороны полностью отдаем себе отчет в том, в какой мере улучшение отношений между государствами зависит от внутренней ста-

бильности».

Анализируя со Скоукрофтом встречу с Шеварднадзе, Буш не скрывал того, как он дорожит сохранением статус-кво в Восточной Европе... Он сказал Скоукрофту, что Соединенным Штатам было бы «крайне глупо» делать заявление или вести политику, направленную на поощрение центробежных сил, которые могли бы разорвать на части Советский Союз.

Скоукрофт в основном согласился с этим: «В наших интересах умерить националистические высказывания. Пожалуй, лучше, если возникнет что-то вроде федерации, а не такое положение, когда все эти республики взбрыкнут и каждая пойдет своим путем».

Буш заметил: «Так хочется сказать: «Правда, было бы здорово, если бы Советская империя распалась?» Но это и непрактично и неумно, верно?»

Скоукрофт предупредил, что, если Соединенные Штаты станут поощрять сторонников отделения, это может породить «серьезный обвал» и «изменить характер центрального правительства», сделав его гораздо более милитаристским и авторитарным. Пусть даже некоторые советские республики отделятся, – все равно Соединенным Штатам по-прежнему придется иметь дело с Россией, глубоко враждебной Западу, имеющей на вооружении 25 тысяч ядерных ракет и способной вызвать в мире немало смуты.

Буш повторил: надо выжидать, чтобы «ситуация там немного застопорилась и поулеглась». Ему хотелось бы дать

Горбачеву и Шеварднадзе «время взять все под контроль и двинуться в правильном направлении».

\* \* \*

Вечером Шеварднадзе и Бейкер отправились на военно-воздушную базу Эндрюс и полетели в Джэксон-Хол. По просьбе госсекретаря его помощники устроили американскому и советскому министрам иностранных дел встречу в самой непринужденной обстановке, какая когда-либо бывала в истории взаимоотношений между двумя странами.

В ходе четырехчасового полета в Вайоминг Бейкер спросил Шеварднадзе и о том, как Горбачев предполагает разрешить проблему отделения республик от Советского Союза. Бейкер знал, что в последние месяцы советский президент при решении вопросов, связанных с движениями за независимость в Грузии, Прибалтике и других местах, опирался на опыт своего министра иностранных дел.

Шеварднадзе ответил: «Если нам придется подавлять внутреннее диссидентство силой, это будет означать конец перестройки. Так что это не выход из положения».

И продолжал: «Мы должны разрешать эту проблему, не прибегая к насилию. Мы должны воспринять уроки прошлого и по возможности избегать создания такой ситуации, которая неизбежно приведет к эскалации. Принимая те или иные меры, мы не должны превращать протесты в бунты, а



бунты — в кровопролития».

Бейкер в ответ сказал: «Тогда почему вы не разрешите провести референдум по вопросу об отделении от СССР? Отпустите прибалтов! Право же, вам будет лучше иметь рядом три маленькие Финляндии».

К Бейкеру и Шеварднадзе, сидевшим в переднем отсеке самолета, присоединился Николай Шмелев, экономист, сотрудник Института США и Канады в Москве, член Верховного Совета, рьяно выступавший за быстрые и всеобъемлющие экономические реформы.

Шмелев был за введение в Советском Союзе свободного рынка не только для товаров и услуг, но и для валюты. Он выступал за то, чтобы рубль получил естественное соотношение с валютами Запада, то есть за меру, которая приведет к массовой девальвации. Бейкер обнаружил, что Шмелев одержим идеей конвертируемости рубля, считая это панацеей от всех болезней советской экономики. Так или иначе, включение в группу Шеварднадзе такого человека со стороны и такого упорного в своих убеждениях, как Шмелев, было умной тактикой.

Бейкер уже не один месяц подчеркивал, что Советский Союз должен произвести фундаментальные изменения в своей экономике. И вот он увидел в свите советского министра иностранных дел экономиста, который был с ним согласен. Шеварднадзе рассчитывал, что присутствие Шмелева будет расценено Бейкером как признак того, что Москва с

уважением относится к самым радикальным предложениям. Именно так Бейкер это и понял.

Самолет приземлился в Джэксон-Холе после заката солнца. Два дипломата вышли в вечернюю прохладу и пошли по темно-красному ковру, привезенному отцами города за пять сотен миль. Губернатор Вайоминга Майкл Салливан преподнес Бейкеру и Шеварднадзе стетсонские ковбойские шляпы. Помощники Салливана тщетно пытались выяснить в советском посольстве размер головы министра иностранных дел и узнали наконец с помощью ЦРУ.

\* \* \*

В последующие два дня оба министра гуляли по тропам среди мачтовых сосен, в рощах желтых осин и тополей. Шеварднадзе был в восторге. Он говорил, что пейзажи – просто «дивной красоты».

В уединении дома, затерянного в горах, два дипломата наконец взялись за дело – решение старой проблемы о контроле над ядерными вооружениями. Они обсуждали главный пункт повестки дня – СНВ, почти готовый договор об ограничении стратегических вооружений, который Буш унаследовал от Рейгана.

Шеварднадзе привез письмо от Горбачева на девяти страницах, в котором говорилось, что Советы готовы пойти на новые уступки. Уступки касались главным образом СОИ.

С 1985 года Советы отказывались подписывать договор по СНВ до тех пор, пока Соединенные Штаты не подтвердят своей приверженности договору ОСВ-1 по противоракетной обороне, который, с точки зрения Советов, исключал СОИ. Но летом 1989 года ситуация изменилась: Советы втихую дебатировали, следует ли Кремлю настаивать на увязке СНВ с подтверждением приверженности ОСВ-1, что означало бы отказ от СОИ? Или же Советам следует заслужить благосклонность США, отступив и не настаивая на этом все еще горячем вопросе, и поверить, что Буш не даст им повода сожалеть об этом и не станет двигать вперед СОИ?

Шеварднадзе усиленно нажимал на то, чтобы идти этим путем. Его аппарат провел несколько закрытых семинаров, на которых ведущие советские ученые выступали за то, чтобы «отвязать» СНВ от СОИ. В числе этих ученых были физик-ядерщик Евгений Велихов и давний руководитель советской космической науки Роальд Сагдеев – обоих Горбачев высоко ценил. В столь специальном вопросе, как противоракетная оборона, этим ученым, стоявшим скорее на либеральных позициях, было несложно взять в дискуссии верх над сторонниками жесткой линии из партийной и военной среды.

В письме, которое Шеварднадзе привез Бушу в сентябре 1989 года, Горбачев писал: «Давайте на время отложим наши концептуальные споры о том, укрепит ли размещение оружия в космосе... стратегическую стабильность или будет

иметь противоположный эффект. Не надо этой проблемой осложнять и без того нелегкие переговоры».

В Овальном кабинете Шеварднадзе сказал также Бушу, что Кремль мог бы демонтировать большую радарную станцию близ Красноярска, в Сибири, которая, по мнению американских экспертов, была создана в нарушение договора по ОСВ-1. Американские ястребы заявляли, что эта радарная станция указывает на постоянное и наглое мошенничество со стороны Советов, нарушающих договора по контролю над вооружениями. Заявление Шеварднадзе о закрытии этой станции равнялось признанию Советами своей вины и являлось, как сказал министр иностранных дел Бушу, «политическим решением».

Из слов Шеварднадзе явствовало, что Горбачев одержал верх над возражениями военных, хотя на самом деле именно Шеварднадзе добился этих уступок в Москве. Во время напряженных переговоров с администрацией Рейгана по контролю над вооружениями министр иностранных дел испытывал все возрастающее чувство огорчения и безысходности, наталкиваясь на чисто рефлекторную реакцию Министерства обороны и Генерального штаба блокировать почти любое изменение в позиции Советов на переговорах. И Шеварднадзе решил, что может превысить свою власть и ускорить процесс принятия решения в Москве в обход генералов.

Шеварднадзе видоизменил существовавшую практику и

поручал теперь собственным экспертам по контролю над вооружениями разрабатывать новые инициативы, которые он затем предлагал американцам. После того как американцы принимали его предложения, он представлял достигнутые результаты на одобрение Горбачеву и только уже потом знакомил с ними военных. Поскольку этот гамбит срабатывал часто и успешно, Шеварднадзе терпеть не могли советские военные в высших эшелонах власти.

Вот так же смело, основываясь на своих дружеских отношениях с Горбачевым, Шеварднадзе решил – как он в частной беседе сказал своим помощникам – «проколоть нарыв» радаром в Красноярске. Убеденный в том, что военные никогда не признают вину Советов в этом вопросе, он сделал это по собственной инициативе.

\* \* \*

В последующие три недели Бейкер дважды публично протягивал руку Горбачеву. Выступая в среду, 4 октября, перед сенатской финансовой комиссией, он сказал, что советские реформы выглядят «многообещающе». На той же неделе его помощник Роберт Зеллик полетел вместе с председателем Федеральной резервной системы США Аланом Гринспэном на пять дней в Москву, где они провели встречи с экономическими экспертами Горбачева, давая рекомендации, как построить финансовую систему, ориентированную на сво-

бодный рынок.

Выступая в Нью-Йорке в понедельник вечером, 16 октября, перед Ассоциацией внешней политики, Бейкер сказал: «Было бы ошибкой заключить, что проблемы слишком обескураживающи или что препятствия к успеху слишком велики. Пока что Горбачев приобрел за эти годы большую власть и всячески выказывает свое намерение «держаться избранного курса».

О выступлении Бейкера в сенате и его речи в Нью-Йорке можно сказать, что это была самая восторженная официальная поддержка, какую Горбачев и его политика получали до сих пор. Бейкер подчеркивал, что общим знаменателем по сути всей политики Горбачева является свобода. Он отмечал, что Кремль дал отдельному гражданину беспрецедентную свободу слова, равно как и свободу выбора делегатов на съезд народных депутатов. Перестройка постепенно продвигается к свободному рынку. Распространяя «новое мышление» на Восточную Европу, советские руководители, похоже, даже готовы дать волю своим сателлитам.

Бейкер особо стремился доказать несостоятельность утверждений пророков из администрации Буша, предрекавших падение Горбачева. Услышав, как Бейкер упомянул, что есть люди, которые считают проблемы «слишком обескураживающими», Роберт Гейтс сразу понял, кого госсекретарь имел в виду.

В то же время Бейкер старался не порождать надежд на

размеры экономической помощи Соединенных Штатов или Запада Горбачеву. Он стремился сделать позицию США соответствующей заявлениям самого Кремля о том, что успех перестройки зависит от советских людей, а не от помощи извне.

А в Москве Шеварднадзе впервые публично заявил, что советское вторжение в Афганистан в 1979 году было нарушением общечеловеческих ценностей. Шеварднадзе тщательно провел разграничительную линию между теми, кто виноват, и кто не виноват. Он отметил, что в декабре 1979 года, когда режим Брежнева начал вторжение, «М. С. Горбачев и я были кандидатами в члены Политбюро. Я узнал о том, что произошло, по радио и из газет. Решение, имевшее очень серьезные последствия для нашей страны, было принято за спиной партии и народа. Нас поставили перед свершившимся фактом».

## *Берлинская стена рушится...*

В четверг, 9 ноября, восточногерманское правительство объявило, что граждане ГДР могут выезжать из страны без специального разрешения. И вот после наступления темноты десятки тысяч перебрались через внезапно рухнувшую Берлинскую стену, многие – впервые. Джаз-оркестры играли в свете прожекторов, установленных когда-то для поимки беглецов. Восточные и западные берлинцы прыгали на уродливой стене, разделявшей их двадцать восемь лет; они чокались шампанским и пивом, пели, плясали, вырубали камни из стены и плакали от счастья.

Наблюдая за всем этим по телевизору, установленному в Малом кабинете, примыкающем к Овальному, Буш понимал, что это означает. Он сказал своим помощникам: «Если Советы допустят падение коммунистов в Восточной Германии, значит, они действительно серьезно взялись за дело – куда серьезнее, чем я предполагал».

Революция, начавшаяся в 1989 году в Польше и Венгрии, перекинулась к августу в Восточную Германию – тогда 130 восточных немцев укрылись в западногерманской миссии в Восточном Берлине. На следующий месяц 5500 нашли убежище в миссии в Праге. Когда Венгрия открыла свои границы, тысяча восточногерманских туристов бежала в Австрию.

Лидер восточногерманских коммунистов Эрих Хонеккер



тогда только что вышел на работу после операции на желчном пузыре, пораженном, как теперь стало известно, раком. Он потребовал остановить исход, но его призыв услышан не был. Венгерское правительство заранее получило молчаливое согласие Кремля. Как хитро пояснил представитель советского Министерства иностранных дел Геннадий Герасимов, действия Венгрии были «крайне неожиданны, но они впрямую нас не затрагивают». По всей Восточной Германии начались демонстрации. В Дрездене десять тысяч человек пытались остановить поезд, шедший на Запад, и сесть в него. Вячеслав Кочемасов, советский посол в Восточном Берлине, сторонник жесткой линии, по просьбе Хонеккера бомбардировал Кремль телеграммами, умоляя «спасти» Хонеккера от потопления, но Горбачев сказал своим помощникам, что ему «противно» видеть, как «бестолково» ведет себя Хонеккер.

\* \* \*

В первую неделю октября Горбачев вылетел в Восточный Берлин на церемонию, посвященную сорокалетию коммунистического режима. Для подготовки этого визита Александр Бессмертных посетил летом Хонеккера в его загородном доме под Берлином. Хонеккер восторгался до небес «захватывающим» экономическим прогрессом Восточной Германии и показал Бессмертных последние цифры в подтверждение того, что все идет хорошо.

После встречи восточногерманский чиновник, сопровождавший Бессмертных, сказал ему, что цифры Хонеккера «раздуты», это все «фантазия». Бессмертных доложил Горбачеву и Шеварднадзе, что Хонеккер живет в выдуманном мире. Более того, происходит резкое падение дисциплины, коль скоро чиновник средней руки считает возможным опровергать высказывания Хонеккера за его спиной гостю из Москвы.

И теперь во время личной встречи с Хонеккером в Восточном Берлине Горбачев сказал старику, что есть способ остановить демонстрации по всей стране, введя немецкий вариант перестройки: таким путем еще можно вернуть людей на сторону руководства.

Хонеккер презрительно фыркнул и сказал, что во время своего последнего посещения Советского Союза он заглянул в несколько магазинов и был потрясен пустыми прилавками. В советской экономике — полная разруха, тогда как восточные немцы процветают больше всех в социалистическом мире. Да как смеет Горбачев указывать ему, как править страной?

Во время торжественной церемонии, посвященной юбилею, Горбачев выступил с речью, призывая восточных немцев стать на путь советских реформ. И как бы желая подчеркнуть, кто должен нести ответственность за будущее, добавил, что политика Восточной Германии должна делаться «не в Москве, а в Берлине». Хонеккер стоял рядом, и вид у

него был сильно обеспокоенный.

Горбачев же по возвращении в Москву сказал privately своим помощникам, что Хонеккеру надо уходить – и как можно скорее: «Руководство (восточногерманское) не может оставаться у руля». Он приказал Генеральному штабу проследить за тем, чтобы советские войска, размещенные в Восточной Германии, не оказались втянутыми в заваруху, которая, безусловно, охватит страну.

Во время уик-энда, 7 октября, восточногерманская полиция – по приказу Хонеккера – применила огонь и слезоточивый газ для разгона демонстраций в нескольких городах. Не имея заверений в том, что Кремль поддержит силовое решение, глава тайной полиции Хонеккера оппортунист Эгон Кренц выступил против решения Хонеккера. И дал пятидесятитысячному маршу протеста пройти по Лейпцигу.

Другие члены правительства Хонеккера тоже понимали, в какую сторону дует ветер. Выбросив новый лозунг – «Перемены и возрождение», – они быстро заменили своего старого лидера Кренцем и выпустили сотни демонстрантов из тюрем. На пятьдесят девятой минуте одиннадцатого часа Кренц попытался стать восточногерманским Горбачевым.

В среду, 25 октября, во время визита в Хельсинки Горбачев публично заявил, что у Советского Союза «нет ни морального, ни политического права» вмешиваться в события в Восточной Европе, и добавил: «Мы исходим из того, что и другие не будут вмешиваться». Он подчеркнуто поставил

в пример Финляндию, нейтральную страну, сумевшую вырваться из оков русского и советского экспансионизма, как образец стабильности и независимости.

\* \* \*

Когда Берлинская стена начала рассыпаться, Марлин Фицуотер пригласил журналистов и телевизионщиков в Оваль-ный кабинет. Буш сидел за столом, вертя в руках перо.

Один из журналистов спросил, означает ли это, что «железному занавесу» пришел конец. Президент не очень уверенно произнес: «Ну, я не думаю, что какое-то одно событие может положить конец такому явлению, как «железный занавес», но это явно указывает на то, что наиболее жесткий период «железного занавеса» остался позади – далеко позади». А предполагал ли он такое развитие? «Нет, этого я не предвидел». А представлял ли себе? «Да».

Когда Бушу сказали, что в его словах не чувствуется радости, он, обороняясь, ответил: «Я не из эмоциональной породы... я очень доволен. И я очень доволен многими другими событиями... Так что, если я не захлебываюсь от восторга... это, возможно, потому, что дело подходит к вечеру, но на самом деле я очень счастлив»...

Лишь только стена рухнула, обе Германии расцвелись транспарантами, требовавшими объединения. Буш – по крайней мере внешне – относился к такой перспективе спо-

койно. На торжественном обеде в честь президента Филиппин Корасон Акино в день, когда пала стена, Буш сказал одному из гостей за столом: «Немцы не представляют для нас никакой угрозы. Это теперь совсем другая страна, чем когда-то».

## *Переговоры Буша и Горбачева на Мальте*

К концу октября 1989 года лишь с десяток людей в американском правительстве знали, что Буш три месяца тому назад втайне предложил Горбачеву встретиться, чтобы познакомиться поближе. Большинство американских президентов любило преподносить сюрпризы публике ради дипломатических и политических выгод.

Тайные переговоры между Москвой и Вашингтоном по поводу того, что все называли по-разному: «предварительная встреча в верхах», «мини-встреча в верхах», «несаммит» или «неофициальная промежуточная встреча» протекали нелегко. Буш и Горбачев четырежды обменивались телеграммами. Шеварднадзе торговался с Мэтлоком в Москве, а Дубинин со Скоукрофтом в Вашингтоне. В августе Александр Бессмертных, заместитель Шеварднадзе, прилетел в Вашингтон под предлогом подготовки вайомингской встречи между Бейкером и Шеварднадзе, а на самом деле большую часть времени занимался встречей Буша с Горбачевым.

По указанию президента американская сторона предложила Советам провести встречу на Мальте, и те тут же согласились: остров уже долгое время являлся членом Движения неприсоединения и был близко расположен к Италии, а следовательно, удобен для Горбачева, который в начале де-

кабрю должен был посетить Рим и Милан. Президент предложил провести встречу на советском и американском судах в бухте Марсашлокк. Он сказал своим помощникам, что таким образом его беседы с Горбачевым можно будет проводить «вдали от прессы... и я хочу, чтобы на борту была атмосфера Кэмп-Дэвида».

Горбачев одобрил встречу на судах, вспомнив, что он жил на советском судне во время встречи с Рейганом в Рейкьявике в 1986 году. Секретная служба США была в восторге от этого решения, рассудив, что Буша легче будет охранять на борту корабля, чем на острове, опасно близком к Ливии Муамара Каддафи.

\* \* \*

30 ноября, когда Буш и Горбачев прибыли на Мальту, там поднялся ветер ураганной силы. Он сорвал советский и американский флаги с флагштоков и обрушил помост, сооруженный для комментаторов телевидения. Мальтийские официальные лица говорили, что такого шторма они не видели уже пять лет.

К утру буря усилилась. Советская сторона перенесла первую встречу со «Славы» – корабль качало, как поплавок, – на более тяжелое морское судно «Максим Горький», пришвартованное у пристани, где Горбачев провел ночь. В 10 утра к «Горькому» подплыл небольшой катер. Держась за

поручни, чтобы не потерять равновесие, Буш, Бейкер, Скоукрофт, Сунуну, Фицуотер и Зеллик взошли на борт советского судна. У госсекретаря за ухом был наклеен кусочек пластыря от морской болезни. Фицуотер уверил репортеров, что рвоты у Бейкера не было.

На верхней палубе Горбачев нервно мерил шагами наспех подготовленную к встрече кают-компанию. Здесь же находились Эдуард Шеварднадзе, Александр Яковлев, Анатолий Добрынин и другие помощники. По одной стене стояли книжные стеллажи, на другой – висел строгий портрет тезки корабля, пролетарского писателя начала XX века.

Широко улыбаясь, Буш вошел в кают-компанию и пожал Горбачеву руку. Пока репортеры строчили в блокнотах, а фотографы щелкали фотоаппаратами, президент изображал из себя бывалого моряка, утверждая, что ночная качка ничуть не тревожила его сон на американском корабле «Белнапе»:

– Это сущие пустяки!

Горбачев пошутил, что ненастье входило в секретные планы Советского Союза – разоружить 6-й флот США. Буша эта реплика, казалось, озадачила – уж не собирается ли Горбачев сбивать его с толку, чтобы подмять под себя? Улыбка исчезла с лица Буша. Он отметил, что буря как будто стихает, а это «хороший знак». Надев свои очки пилота, Буш произнес:

– Давайте приступим к работе.

Журналистов попросили покинуть кают-компанию.



За длинным узким столом Горбачев сказал сидящим напротив американцам:

– Не знаю, кому начинать. На моем судне вы гость. С другой стороны, это вы пригласили меня на встречу.

Кое-кто из американцев поморщился, усмотрев в этих словах типично горбачевский прием перекладывать груз на чужие плечи: Горбачев вынуждал Буша объяснить, чего ради тот пригласил его на Мальту.

Буш принял вызов. Немного нервничая, он заговорил пронзительным, высоким голосом: у него есть «некая модель» о необходимости использования возможностей, возникших вследствие существенных перемен в мире. Горбачев кивнул и что-то записал в маленьком оранжевом блокноте – Павел Палащенко синхронно переводил ему на ухо.

Буш продолжал:

– Вы имеете дело с администрацией, которая желает вам удачи в ваших начинаниях. В случае успеха перестройки мир станет лучше. – Взглянув на две страницы текста – список инициатив, он сказал: – Вот кое-какие идеи.

Он предложил отказаться от поправки Джексона – Вэника. Он также «проработает возможность» приостановления конгрессом поправки Стивенсона, препятствующей предоставлению кредитов Советскому Союзу Экспортно-импортным банком США. Он будет содействовать «диалогу» между Москвой и Организацией экономического сотрудничества и развития.

Буш обещал, что будет настаивать на предоставлении Советскому Союзу статуса наблюдателя по контролю за соблюдением Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГААТ).

– Деятельность в рамках ГААТ, – заметил он, – пойдет на благо перестройке. – И выразил надежду, что Горбачев в скором времени примется за реконструкцию советской экономики, и в первую очередь системы ценообразования.

Он вручил Горбачеву перечень возможных областей «технического сотрудничества» (эвфемизм слова «помощь») с Соединенными Штатами, что способствовало бы созданию в Советском Союзе банковской системы, фондовой биржи и прочих институтов свободного рынка.

– Проглядите это, – сказал он. – Мы приветствуем совместную деятельность в любом из перечисленных аспектов.

Подавшись вперед, Горбачев кивнул.

Гейтс заранее проинформировал Буша, что больше всего Горбачев хочет, чтобы на Мальте были достигнуты договоренности о заключении в 1990 году соглашений по стратегическим наступательным и обычным вооружениям в Европе.

– Давайте этим всерьез и займемся, – сказал Буш.

Он предложил ряд конкретных пунктов по СНВ, которые Бейкер и Шеварднадзе могли начать разрабатывать в январе. Он признал, что в предложениях США есть «белые пятна», так как его собственное правительство еще не пришло на этот счет к полному единодушию, однако наверняка к мо-

менту встречи Бейкера и Шеварднадзе «мы полностью проясним свою позицию».

Повторив слова Бейкера, обращенные к советскому руководителю в мае, Буш призвал Горбачева распространить гласность и на советских военных путем обмена информацией с Вашингтоном по военным расходам и производствам. Он придвинул к Горбачеву стопку пентагоновских документов, сказав:

– Это первый шаг на пути к такого рода обмену, хотя как бывший директор ЦРУ, я буду крайне разочарован, если КГБ не предоставит вам аналогичных материалов.

\* \* \*

Буш не ограничился семнадцатью инициативами, приведенными на Мальту. Предварительно смягчив Горбачева, он занял твердую позицию в отношении Центральной Америки: советско-кубинский авантюризм в Западном полушарии остается «единственным и самым серьезным камнем преткновения» в советско-американских отношениях – «гигантским шипом в подошве, который мешает мерно идти вперед».

Буш сказал, что просто не понимает, почему советское руководство допускает помощь сандинистов сальвадорским повстанцам, которые вбивают клин между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Президент Коста-Рики Ос-

кар Ариас, немало сделавший для установления мира, особо подчеркнул, что Буш должен убедить Горбачева прекратить поддержку Кастро.

— Кастро ставит вас в ложное положение, — серьезно заметил Буш. — Подрывает ваш авторитет, разрушая все, за что вы боретесь. Вам надлежит понять: американцы не могут одобрить вашу поддержку Гаваны и Манагуа.

Горбачеву не стоит недооценивать, предостерег президент, резкое отношение его самого, конгресса и американского народа к этой проблеме. Последовав совету Бейкера, он предупредил, что Соединенные Штаты не снимут поправку Джэксона — Вэника и не станут предпринимать никаких шагов по оказанию помощи советской экономике до тех пор, пока Кремль не прекратит чинить безобразия в Центральной Америке. Учитывая лояльность Советского Союза в отношении столь значительных перемен в Восточной Европе, как может Горбачев мириться с тем, что в Центральной Америке его имя связывается с «представителями старого мышления»?

Горбачев ответил, что пытался убедить Кастро начать перестройку в какой-либо ее форме.

— Я сказал Кастро, что он идет не в ногу с нами и что ему стоило бы последовать примеру стран Восточной Европы. Но он не согласился.

Что касается Никарагуа, то советское правительство потребовало у Манагуа объяснений насчет самолета с огне-

стрельным оружием и ракетами, но сандинисты отрицают» свою причастность к этому делу.

– Что ж, – сказал Буш, – они вам лгут.

Горбачев прикусил губу.

Наряду с прочими предложениями Буш выдвинул идею проведения Олимпийских игр 2004 года в Берлине. Горбачев тут же понял, что Буш таким образом его провоцирует косвенно согласиться с тем, что к тому времени Берлин станет столицей единой Германии.

Горбачев сказал Бушу:

– Мы получили две Германии в наследство от истории. История создала эту проблему, истории ее и решать. – И, свернув любимое словечко Буша, добавил: – Там, где дело касается Германии, я веду благоразумную и осторожную политику.

Во время своего часового монолога Горбачев выразил готовность в решении некоторых вопросов пойти гораздо дальше:

– Инспекция по контролю над вооружениями на местах? – У вас может быть столько инспекторов, сколько хотите. Резкое сокращение численности советских войск в Восточной Европе? – Мы и сами знаем, что они там отнюдь не желанные гости.

Следуя практике своих предшественников, Буш протянул Горбачеву список более чем двадцати советских граждан, желающих выехать из СССР.

– Сообщите нам, – сказал Горбачев, – сколько иммигрантов вы хотите заполучить, и мы вам их вышлем!

– Давайте поставим перед собой задачу, – ответил Буш, – избавиться от подобных списков к нашей встрече в следующем году.

В этой фразе президента был скрыт глубокий смысл: чем больше будет делаться в СССР в идеологическом и гуманитарном направлениях, тем большую поддержку окажут ему США на экономическом поприще.

\* \* \*

За обедом Горбачев сконцентрировал внимание на внутренних экономических трудностях у себя в стране. Пока облаченные в ливреи официанты обносили присутствующих серебряными вазочками с икрой, Горбачев жаловался на проблемы бюджета:

– У нас и раньше был большой дефицит, а сейчас еще эти удары судьбы.

Он рассказал о колоссальных расходах на восстановление после черновобильской ядерной катастрофы и землетрясения в Армении. В довершение ко всему низкие мировые цены на нефть пагубно отражаются на валютных доходах Советского Союза.

«Главное испытание» его политики, сказал он, заключается в том, сумеет ли он преодолеть нехватку потребительских

товаров у себя в стране. Для этого ему придется не только вылечить больные структуры советской экономики, но и изменить отношение народа к труду.

Приняв свой обычный самоуверенный вид, Горбачев объяснил, что в Советском Союзе государственную собственность на предприятия постепенно вытесняет «коллективная». По мнению Горбачева, всякое коллективное владение – где больше одного хозяина – можно исключить из категории частной собственности.

– Мы оба знаем, что в Соединенных Штатах почти нет частной собственности... Ведь некоторые из ваших фирм насчитывают более двадцати тысяч акционеров!

Буш из вежливости воздержался от замечаний по поводу неожиданно проявившегося невежества Горбачева в области западной экономики. Вместо этого он поведал о своем опыте рискованного поиска нефти в Мексиканском заливе: когда он и его партнеры потеряли там нефтяную вышку, то полностью потеряли все вложенные деньги.

– Но американскому налогоплательщику это не стоило ни единого пенни, кроме, пожалуй, расходов на списание налога.

Палашенко с трудом сумел перевести термин «списание налога». Когда наконец он справился, Горбачев, казалось, был озадачен более, чем когда-либо. Он пожаловался на своих экономистов, которые дают ему бестолковые советы.

– Я тоже через это прошел! – засмеялся Буш.

Дабы упредить вопрос Горбачева о непосредственной финансовой помощи – просьба, в которой он вынужден был бы отказать, – Буш одобрительно отозвался о недавнем публичном высказывании Шеварднадзе о том, что советское руководство «не собирается просить милостыню», так как имеет «гордость».

– Я понимаю, что вы горды, – заключил Буш, – и мы тоже.

\* \* \*

После обеда Буш должен был вернуться на «Белнап» на три часа – «личное время», – а затем, в 16.30, вновь прибыть на «Горький» для следующей встречи с Горбачевым. Оба руководителя собирались завершить день рабочим ужином на «Белнапе».

Штормило так, что Горбачев предложил Бушу остаться на «Горьком» во избежание срыва переговоров. Буш не согласился. Президентский катер швыряло из стороны в сторону; лишь после многочисленных попыток ему удалось пришвартоваться к «Белнапу». Когда Буш с сопровождавшими его лицами поднялись на борт, его советники и подразделение секретной службы настояли на том, чтобы президент оставался на судне до тех пор, пока не улучшится погода.

Всю вторую половину дня президент Соединенных Штатов провел в адмиральской каюте в окружении фотографий 6-го флота, хмуро глядя в иллюминатор на дождь и туман.



Лишь однажды они со Скоукрофтом вышли на палубу «Белнапа», чтобы посмотреть в сторону «Горького», где – всего лишь на расстоянии тысячи ярдов – Горбачев и остальные праздновали 66-летие Яковлева.

В тот вечер Буш и те из его помощников, кто был в состоянии, пили белое вино за ужином, который президент назвал «превосходным». Очень жаль, сказал он стюардам, что Горбачев так и не узнал, «как кормят на американском флоте».

На рассвете в воскресенье буря начала стихать. Утреннее заседание планировалось провести на борту «Белнапа», но обе стороны решили перенести его на более устойчивое советское судно. Когда катер приблизился к «Максиму Горькому», за ухом у президента тоже был наклеен пластырь от морской болезни.

На вопрос репортера, не помешала ли непогода встрече, Буш воскликнул:

– Нет, черт побери! Нет! Встреча идет прекрасно, спасибо.

С такой же наигранной веселостью он взбежал по трапу на советский корабль и протянул хозяину руку с приветствием:

– Доброе утро!

Сияющий Горбачев ответил старательно заученной английской фразой:

– Долгое время не видеть!

Накануне, желая установить контакт с Бушем, Горбачев, сдерживая стремление к превосходству, не стал обсуждать

свои сомнения относительно того, что происходит с советской властью и коммунизмом советского образца в мире. Сейчас он сказал Бушу, что хочет снять камень «с души».

Он сетовал на то, что определенные аспекты риторики и политики США носят «односторонний характер» и «не способствуют осуществлению моих планов». Зачем Буш беспрестанно повторяет, что события в Восточной Европе – это «торжество ценностей Запада»?

– А почему вас это тревожит? – спросил Буш. – На мой взгляд, гласность – ценность Запада, открытость – ценность Запада, представительное правительство – ценность Запада, плюрализм – ценность Запада.

– Но ведь и у нас есть эти ценности, – возразил Горбачев. – Почему бы вам не назвать их ценностями Востока?

Бейкер, как бывший юрист, тут же подоспел на помощь, подсказав взаимоприемлемый термин:

– А как насчет того, чтобы назвать их демократическими ценностями?

– Замечательно! – воскликнул Горбачев. – Демократические ценности! Прекрасно!

Горбачев признал даже то, что Америка могла бы стать посредником в мирных преобразованиях в Восточной Европе.

– Мы больше не считаем вас своим врагом, – сказал Горбачев Бушу. – Многое изменилось. Мы хотим вашего присутствия в Европе. Вы должны остаться в Европе. Ваше на-

хождение там важно для будущего этого континента. Так что не думайте, будто мы добиваемся вашего ухода.

Бейкер счел это заявление Горбачева самым важным и обнадеживающим из всего произнесенного им за этот уик-энд.

Позднее он сказал своим помощникам, что Горбачев наконец-то «перестал играть в самоутверждение».

\* \* \*

Отпустив помощников, Буш и Горбачев перешли к самому щекотливому, а возможно, и самому взрывоопасному вопросу повестки дня: судьбе Прибалтийских республик. Буш заметил, что на пресс-конференции по окончании встречи эта тема обязательно будет затронута.

Горбачев сказал, что готов ответить на любые вопросы, связанные с Прибалтикой. Повторяя то, что Шеварднадзе говорил Бейкеру несколько месяцев назад, он заверил Буша в «твердом намерении» Кремля избежать каких бы то ни было репрессий. Применение силы «будет означать конец перестройки».

Буш напомнил Горбачеву, что за сорок девять лет Соединенные Штаты так и не признали аннексию Прибалтики Советским Союзом. И по-прежнему хотят, чтобы Прибалтийские республики получили независимость. Если центральные советские власти, продолжал Буш, вызовут взрыв насилия в Прибалтике, то в Соединенных Штатах «вспыхнет по-

жар» антисоветских настроений...

По окончании переговоров Буш и Горбачев появились перед журналистами в танцевальном салоне на «Горьком» – это была первая в истории встреч на самом высоком уровне совместная пресс-конференция. Единственным источником резких разногласий оставалась Центральная Америка – тяжелое наследство печального прошлого. Не вызывало сомнений, что в течение ближайших нескольких месяцев будут разработаны – и в 1990 году подписаны – договоры по ограничению стратегических наступательных и обычных вооружений в Европе.

Оба руководителя сумели даже найти положительные стороны в капризах погоды.

– Этот инцидент доказывает, что мы способны хорошо принаравливаться к меняющимся обстоятельствам, – сказал Горбачев.

В Москве представитель Министерства иностранных дел Геннадий Герасимов, как всегда, не удержался от красного словца:

– Мы похоронили «холодную войну» на дне теплого Средиземного моря, – сказал он.

А два года спустя Бессмертных вспоминал:

– Если бы не Мальта, Советскому Союзу никогда бы не удалось так плавно выпустить из-под контроля Восточную Европу и Прибалтику.

## *Литва объявляет о независимости*

Во вторник, 27 февраля 1990 года, Верховный Совет рассмотрел законопроект о предоставлении Горбачеву широких президентских полномочий, которых он потребовал. Он обвинил противников законопроекта в «дешевой демагогии». Законопроект был принят большинством голосов – 306 против 65.

В воскресенье, 4 марта, советские граждане опустили бюллетени на первых проводившихся на альтернативной основе выборах в местные советы и парламенты Российской Федерации, Украины и Белоруссии. Самым популярным кандидатом был Борис Ельцин, который обошел одиннадцать конкурентов из своего родного Свердловска, набрав более 70 процентов голосов в российский парламент.

В своей предвыборной платформе Ельцин призывал к развитию свободного рынка и либерализации законов о частной собственности. Ельцин рассчитывал убедить своих коллег избрать его президентом Российской Федерации вместо назначенного сверху Виталия Воротникова – коммуниста брежневского образца. На этом посту он мог бы возглавить левую оппозицию Горбачеву и советскому руководству.

В понедельник, 12 марта, литовский парламент единодушно проголосовал за официальное восстановление независимости, утраченной 50 лет назад. Новым президентом

страны был избран Ландсбергис, который заявил:

– Мы ни у кого не спрашиваем разрешения на этот шаг.

Вступив в должность первого президента Советского Союза, Горбачев предложил «диалог на основе взаимного уважения» с Вильнюсом:

– Моя идея состоит в том, чтобы сохранить Союз на основе различных подходов к каждой республике, на основе нового Союзного договора.

Горбачев назначил 19 марта 1990 года крайним сроком для урегулирования ситуации в Литве. А пока кремлевским министерствам было приказано усилить «защиту» советских учреждений в республике-ренегате и не вести «никаких переговоров» с Вильнюсом. Литву, а также Эстонию предупредили, что они не должны выпускать собственную валюту, устанавливать независимые отношения во внешней торговле или пытаться захватить советскую собственность, находящуюся на их территории.

\* \* \*

Во вторник, 20 марта, Бейкер встретился с Шеварднадзе в Виндхук, в Намибии, где оба присутствовали на церемонии, посвященной независимости этой страны. Во время частной беседы с Шеварднадзе Бейкер спросил: что Советы намерены делать в Литве?

Шеварднадзе ответил:

– Чтобы полностью осветить этот вопрос, мне пришлось бы говорить до завтрашнего утра. Мы не собираемся применять силу против Литвы. Мы вступим в диалог с литовскими лидерами. Но они должны серьезнее отнестись к реальностям ситуации. Я убежден, что мы выработаем какой-то выход из положения...

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.